

7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

8. Мартишина Н. И. Реальность и ее конструирование. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2009. 172 с.

9. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 242 p.

10. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Александрия, 2007. 423 с.

© Таскаева Е. Б., 2020

Л. В. Чеснокова

L. V. Chesnokova

УДК 130.2

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-28-55-58

СФЕРА ПРИВАТНОГО КАК УБЕЖИЩЕ ОТ СТРАХОВ И ТРЕВОГ ВНЕШНЕГО МИРА В ЭПОХУ МОДЕРНА

В статье исследуется пространство приватности как сфера, защищающая человека от тревог внешнего мира, усилившихся после разрушения традиционной культуры в эпоху Нового времени. Показывается, что процесс индивидуализации принес не только новые возможности, но и необходимость делать личный выбор и нести за него ответственность. Секуляризация породила чувство одиночества и отчужденности в мире без божественного промысла, поэтому в европейской культуре модерна так велика роль уютного домашнего пространства как убежища от внешнего мира. Однако приватное пространство в результате своей закрытости становится еще более опасным, чем публичное.

Ключевые слова: приватность, дом, уют, эпоха модерна, страх, европейская культура.

THE SPHERE OF PRIVATE AS A REFUGE FROM THE FEARS AND ANXIETIES OF AN EXTERNAL WORLD IN THE MODERN ERA

The article examines the space of privacy as a sphere that protects a person from the anxieties of the external world, which intensified after the destruction of traditional culture in the era of modern age. It is shown that the process of individualization has brought not only new opportunities, but also the need to make personal choices and be responsible for them. Secularization gave rise to a feeling of loneliness and alienation in a world without divine providence that is why the role of a cozy home space as a refuge from the outside world is so important in the European culture of modernity. However, private space, as a result of its closed nature, becomes even more dangerous than public space.

Keywords: privacy, home, comfort, modern era, fear, European culture.

Тема приватности в последнее время стала поистине междисциплинарной проблемой, к ней обращаются в психологических, социологических, филологических, философских исследованиях. Это можно объяснить актуализацией вопросов, связанных с ценностью и достоинством человеческой личности. Наличие приватного пространства дает чувство безопасности, индивидуальной свободы и самоуважения. Право на приватность ослабляет давление государства и общества на человека. К приватному относится то, что закрыто от наблюдения, не является гласным. Это признание права на автономию личной жизни. Ключевые формы приватности — это физическая, психическая, территориальная и информационная неприкосновенность человека. Понятие приватности, таким образом, соотносится с оппозицией «свой — чужой». Приватными становятся близкие, интимные, неофициальные отношения между людьми. Приватное пространство воспринимается как зона безопасности и свободы.

Сегодня право на неприкосновенность приватной сферы считается само собой разумеющимся, по крайней мере, в западных обществах. Однако разделение публичной и приватной сфер вошло в обиход по историческим меркам совсем недавно: с переходом от традиционного общества к модерну. Развитие индивидуалистической психологии было вызвано изменением экономических, политических и культурных условий.

В традиционной культуре жизненный путь человека был по большей части заранее предопределен и зависел от его сословной принадлежности. Человек был интегрирован в свою общину и занимал принадлежащее ему место в социальной иерархии. Его жизненный мир был стабилен от рождения до смерти. С переходом к индивидуалистическому обществу и капитализму увеличились возможности выбора. Теперь положение индивида в меньшей степени определялось группой, он получал свободу действий, которую мог использовать в своих интересах. Однако теперь человек не просто мог, но был вынужден делать индивидуальный выбор, связанный с его жизнью, и отвечать за него.

Необходимость взять жизнь в собственные руки, после того как были поколеблены такие традиционные социальные институты, как семья или церковь, требовала от субъекта напряжения и усилий. «Индивидуалистическое “Я” имеет дело с миром без посредников, на которых можно было свалить ответственность. Между мыслящим тростником и бесконечностью нет самодельного, иллюзорного, но... утешительного средостения или укрытия» [1, с. 39]. Индивидуализация предполагала вызовы и напряжения, несла чувство одиночества, оторванности от корней и своей социальной группы, что было платой за новые возможности. Часто эта ноша ответственности оказывалась непосильной, вызывая страх, растерянность и стремление отказаться от своей

свободы. Новое время — эпоха секуляризации, быстро распространяющегося нигилизма. Человек испытывает чувство «...одиночества и заброшенности в лишенный смысла мир, полный тоски и отчаяния. <...> Мир тем страшней для человека, что в нем нет смысла, он не поддается рациональному осмыслению» [2, с. 209].

В секуляризованном обществе жизнь представляется как последняя возможность в смысле Эпикура: пока мы есть, смерти нет, а если смерть есть, нас нет. Девиз «*carpe diem*», обращенный к постороннему бытию, определяет историю Нового времени. «Теологически-философские усилия относительно теодицеи, а именно оправдание Бога, несмотря на зло, допущенное Им в мире, постепенно заменяются быстро распространяющимся религиозным нигилизмом» [3, с. 409] (здесь и далее перевод наш. — Л. Ч.). В Новое время человек пытается самостоятельно встать в центр мира вместо Бога. Фаустовский мотив окончательно оформляется в ницшеанском культе сверхчеловека. Первое место теперь занимает не Бог, а темные силы судьбы, которым индивид должен самостоятельно противостоять. Попытки найти замену традиционной вере вызвали к жизни культ потустороннего.

Широко распространившийся материализм и гедонизм пытается заглушить ощущение кризиса, потерянности и беспокойства. Хищнический капитализм порождает страх быть выброшенным на обочину общества. Буржуазное благополучие зыбко, его постоянно сопровождают страх бедности, болезни, разорения. Общество требует скрывать свои чувства, демонстрируя благополучный фасад и приличные манеры, что вызывает огромное внутреннее напряжение. В XIX в. тематизируется потерянное Я. Кризис идентичности свидетельствует о человеческой уязвимости в век модерна.

В это время усиливается ощущение общей нервозности, которая была и культурным конструктом, и подлинным страданием. Перемены, «...опережавшие психические возможности человека XIX века, запустили в культуре “нервные” механизмы, которые выражали обостренное ощущение нового мира и требовали новых методов преодоления...» [4, с. 4]. Жизнь всё больше напоминает несущийся скорый поезд. Человек находится в состоянии хронического стресса, спешки, боится не успеть выполнить свои повседневные задачи. Технический прогресс вызывает страх, но отказаться от него невозможно, так как с ним связано повышение уровня жизни. Капитализм создает всё новые материальные потребности, лишаящие человека чувства покоя и удовлетворенности.

Чувство счастья и оптимизм прогресса были поколеблены, гедонистический индивидуализм вступает в конфронтацию с пропастью бытия. Индивидуалистическое сознание постоянно сталкивается с вопросом, как Я способно противостоять преходящести, как человек, несмотря на страх смерти, может мирно и счастливо прожить отведенный ему земной срок. Сознание имманентности — это «трагическое сознание, поскольку присутствует знание о “граничных ситуациях”. Вечное, бесконечное скрывается ненадолго, нуминозное показывает себя как сила, вызывающая ужас» [3, с. 417–418].

Утрата корней и привязанностей вызывают ощущение одиночества и отчужденности. Это приводит к тщетным

попыткам найти надежное укрытие. Отсюда берет начало свойственная XIX в. идеализация дома и семьи. Наличие своего частного пространства призвано компенсировать тоску по принадлежности к былой общности. Семья — страховка, защита от страхов и неопределенности мира, отдушина, где можно сбросить напряжение, вызванное непрестанной конкуренцией капиталистического общества.

Европейская культура модерна понимает тихий домашний мир как место, дарующее защиту. Свой собственный уютный дом дает возможность временного удовольствия, пытающегося противостоять неумолимому течению времени. Дом и семья дают индивиду чувство защищенности, близость, душевную теплоту, покой и мир, а также доверие, любовь и принятие другими людьми. Дом символизирует собой упорядоченный человеческий космос, противопоставленный хаосу окружающего пространства. Это священное личное пространство, куда не имеют доступа чужие, где некого опасаться, где не требуется постоянно играть какую-то социальную роль. Дом — это место, где человек одновременно укрыт от природных и социальных катаклизмов и сокрыт от чужих глаз в собственном пространстве.

Основательность домашней обстановки призвана продемонстрировать надежность обретенного материального и социального благополучия своих хозяев. «...Комнаты, заполненные креслами, книжными шкафами, фортепьяно, диванами, письменными столами, каминами; люди движутся спокойно, осторожно, говорят тихими голосами... Солидность. Давняя буржуазная ценность: якорь, сдерживающий непостоянство Фортуны...» [5, с. 239] Однако это лишь мнимая уверенность — за фасадом буржуазной благопристойности постоянно присутствует страх болезни, смерти, разорения, осознание непрочности материального благополучия.

Одна из наиболее важных особенностей домашнего пространства — уют, также представляющий собой феномен, характерный для Нового времени. В традиционной культуре люди жили в общине, где всё было подчинено ритму сельскохозяйственных работ и религиозных праздников. Порядок в доме был отражением вечного космического порядка. В результате разрушения традиционного порядка чувство индивидуального уюта становится необходимым в результате потребности в защищенном индивидуальном пространстве. Уют «...отсылает нас к чувству “умиротворения”, к чувству душевной полноты и покоя в ситуации роста экзистенциального напряжения, в ситуации нарастающей децентрации мира и человека» [6, с. 66].

Уют дает утратившему связь с миром человеку возможность на время снова испытать чувство умиротворенности и покоя в закрытом от посторонних глаз частном пространстве. В мире, ставшем чужим и враждебным, в обществе людей, которых следует опасаться, человек испытывает острую потребность в месте, где он хотя бы на время мог расслабиться и преодолеть состояние страха и неприютности.

Смысл слова «уют» связан с возможностью найти некое укрытие, обрести приют, где человек чувствует себя в покое и безопасности. Как правило, это небольшое, теплое, человекосоразмерное помещение. С уютом связывается ощущение ничем не омраченного душевного покоя, кото-

рый невозможен в ситуации стресса, спешки и принуждения. «Для этого состояния необходимой предпосылкой становится ощущение комфорта, отсутствие физического и психического страдания, голода или жажды, печали или страха» [7, с. 58]. Условие уюта — отсутствие принуждения, контроля, норм и предписанных кем-то правил. Наличие теплое и уютное приватное пространство помогает противостоять отчуждению и разобщенности, характеризующей человеческие отношения Нового времени.

Дом как институт порядка помогает обуздать страсти, держать в узде темную и грешную человеческую природу. Домашний порядок, семья, неукоснительное исполнение своих обязанностей выступают как защита от неуправляемого хаоса. «Нравственность, обуздание страстной природы, смирение объясняются как поддерживающие порядок силы, основание для высшего порядка» [8, с. 759]. Без хранимой в домашней обстановке морали животные силы человека вырываются на волю. Поэтому в буржуазной культуре модерна брак, семья и дом — в первую очередь институты, помогающие человеку сдерживать свои страсти. Дом символизирует нравственный процесс созревания и нравственного воспитания индивида в домашней общине. В доме манифестируется метафизический порядок на базисе взаимной заботы и любви.

Нравственной противоположностью дома в обществе XIX в. выступает пучина страстей, проституция. Никогда не было столько публичных домов, сколько в викторианской Англии, где боялись показать гостям голые ножки у пианино. Существуют две возможности бегства от страхов и напряжений буржуазного века: или в свой тихий домашний мир, или в разврат, выступающий вентилем, помогающим снять сильное напряжение.

Приватная сфера дома традиционно считается безопасным пространством. Для того чтобы покинуть домашнее пространство, где человек одновременно «укрыт и сокрыт», и выйти в публичность, требуется преодоление себя. Так поступали герои. По словам Х. Арндт, «покинуть хранительную сферу усадьбы и дома, ...чтобы пуститься в какую-нибудь авантюру или... предприятие, обещающее славу... требовало мужества, потому что только внутри приватной сферы человек мог отдаться заботе о жизни и выживании» [9, с. 48]. Смелость покинуть приватное пространство — условие любой политики и тем самым любой свободы.

Однако приватная сфера дома при определенных обстоятельствах может быть репрессивным местом. Х. Арндт критикует жизнь в ойкосе, так как, по ее мнению, только в полисе может развиваться специфическое человеческое достоинство, человеческое в человеке. В публичном пространстве он становится «видимым». Женщина, закрытая в четырех стенах дома, как бы не существует. Публичность в течение столетий была доменом мужчин на основании патриархальной традиции, женщины же, за немногими исключениями, были сосланы в сферу приватного. Дихотомия между публичным и приватным одновременно означала разделение между гендерными ролями. Считалось, что «естественная» женская профессия — роль домохозяйки, жены и матери, деятельность которой сосредоточена исключительно в приватной сфере.

В XIX в. происходит процесс разделения мест работы и домашнего хозяйства как сферы продуктивного и репродуктивного труда. Публичность постепенно становится полюсом производства и добывания средств к существованию, а приватность — строго ограниченной от публичной сферы областью репродукции. Установление дихотомического порядка было также связано с ранее неизвестным отделением жилого дома и буржуазной семьи от внедомашней публичности. «Улица» или городское публичное пространство более не были составной частью дома, а дом и семья более не были доступны для всех знакомых. В общественном сознании происходит противопоставление холодного и враждебного окружающего мира домашней сфере, очагу, мирному домашнему счастью в кругу «своих».

Теперь публичное пространство воспринималось как особенно небезопасное для женщин, как «пространство страха», что в результате значительно ограничивало их мобильность. Городские улицы и площади теперь представлялись опасными местами, где царили грубость, насилие и сексуальное искушение. К числу важнейших свойств публичности относится ее доступность для всех. В этой связи с городским публичным пространством связывается женщина, вынужденная продавать свое тело. «Круг синонимов, описывающий женщину, занимающуюся проституцией, состоит из следующих определений: публичная женщина, доступная женщина, продажная женщина, женщина легкого поведения, гулящая женщина, уличная девка» [10, с. 198].

В новом гендерном порядке господствовали представления об особой слабости, чувствительности и хрупкости женщин и тем самым их уязвимости, особенно в части репутации, что предполагало специфическую потребность в защите. Из опасений за свою репутацию представительницы буржуазного общества ограничивали свое пребывание за стенами дома в вечерние и ночные часы. Для демонстрации добродетельности женщина в первую очередь должна была выступать в сфере приватного как хорошая жена и мать. «Сомнения же в отношении должного исполнения этих обязанностей рождали суждения, бросавшие тень на репутацию, и вызвали оценку поведения, ничем не отличавшуюся от взгляда на образ жизни проститутки, публичной женщины, чье место было на улице» [11, с. 172]. Долгое время важнейшей задачей «порядочных женщин» было избегать возможных ситуаций, которые могли нанести урон их репутации, поэтому возникает особый страх перед публичным пространством.

Вплоть до сегодняшнего дня этот конструкт оказывает влияние на массовое сознание. Особенно ночью публичное пространство воспринимается как «зона страха», прежде всего, перед сексуальным насилием. Многие женщины избегают выходить в темное время суток на улицу. Р. Руне описывает такой парадокс как существующие в общественном сознании представления о безопасности приватного и опасности публичного пространства для женщин. Хотя, как доказывают многочисленные исследования, женщины гораздо чаще подвергаются сексуальному насилию в собственном доме, парадоксальным образом чувство опасности возникает, прежде всего, в публичном пространстве. Если принять во внимание оба пола, примечательным становится то, что «жертвами

в публичном пространстве гораздо чаще оказываются мужчины, а не женщины, поэтому, исходя из реального уровня угрозы, публичное пространство гораздо в большей степени должно вызывать страх у мужчин, а не у женщин» [12, с. 11].

В феминистском дискурсе, который внес значительный вклад в современное понимание приватности, говорится о том, что поскольку дом — закрытая от государства и общества сфера, в нем безнаказанно могут совершаться насильственные действия, так как они остаются невидимыми. Женщины боятся публичных пространств, особенно в темное время суток, тогда как, согласно данным криминальной хроники, самое опасное место для них — это дом. Статистика преступлений против женщин показывает, что физическое и сексуальное насилие в большинстве случаев происходит в приватном семейном кругу. Тем не менее гораздо большее опасение и резонанс вызывают случаи насилия в публичном, чем в приватном пространстве.

Таким образом, процесс индивидуализации сознания, характерный для Нового времени и получивший особенное развитие в XIX в., принес индивиду не только новые возможности, но и утраты. Страх и потеря ориентиров, возникшие в Новое время, — своего рода плата за индивидуализм, секуляризацию, отказ от традиционной культуры. Лишенный корней индивид, более не принадлежащий большой общности, вынужден терпеть одиночество и отчужденность. Поэтому он стремится укрыться в уютной приватной сфере своей семьи, ставшей защитой от страхов и неопределенности мира. В острой потребности в наличии домашнего пространства, идеализации семьи, характерной для «уютного» XIX в., выражается тоска по утраченной принадлежности к традиционному общинному миру. Однако идеалистические представления о доме не всегда соответствовали действительности, и в некоторых случаях приватное пространство становилось репрессивным местом.

---

1. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М. : РГГУ, 2000. 1005 с.

2. Чеснокова Л. В. Концепт метафизического страха (Angst) в немецкой культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4-2 (18). С. 206–210.

3. Glauser H. Bürgerlicher Hedonismus // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart (hrsg. von R. van Dülmen). Köln : Böhlau, 2001. S. 407–438.

4. Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / пер. с нем. Н. Штильмарк. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 552 с.

5. Моретти Ф. Буржуа: между историей и литературой. М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. 264 с.

6. Лишаев С. А. Феноменология уютного ч. 2 (к эстетической характеристике дома и домашних вещей) // *Mixtura verborum* 2005: тело, смысл, субъект : сб. ст. / под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2005. С. 63–92.

7. Schmidt-Lauber B. Gemütlichkeit: eine kulturwissenschaftliche Annäherung. Frankfurt a. M. : Campus Verlag, 2003. 257 s.

8. Zimmerman Ch. Von Literarische Anthropologie des Hauses // *Das Haus in der Geschichte Europas* (hrsg. von J. Eibach, I. Schmidt-Voges). Berlin : de Gruyter, 2015. S. 743–760.

9. Арентс Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина. СПб. : Алетейя, 2000. 437 с.

10. Горнова Г. В. *Философия города*. М. : Форум, 2014. 344 с.

11. Абрамс Л. *Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918* / пер. с англ. Е. Незлобиной. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. 408 с.

12. Ruhne R. *Raum Macht Geschlecht. Zur Soziologie eines Wirkungsgefüges am Beispiel von (Un)Sicherheiten im Öffentlichen Raum*. Wiesbaden : VS Verlag, 2011. 238 s.

© Чеснокова Л. В., 2020